НОВАЯ КНИГА

Адам Михник. **Антисоветский русофил.**

Москва – Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езёранского, 2011. – 351 с.

Российский читатель получил возможность познакомиться с размышлениями известного польского общественного деятеля, одного из лидеров антисоциалистической оппозиции 1970-1980-х гг., а ныне главного редактора «Газеты Выборча» Адама Михника о сложности исторического пути Польши, роли католической церкви в жизни страны, о политических баталиях и возникающих при этом сложных этических проблемах.

На презентации русского издания книги Михник отмечал, что ее издание в Польше вызвало много критических замечаний, автора обвинили даже в том, что он ненавидит поляков за то, что они хотят остаться поляками. «Многие меня спрашивают: почему ты русофил? – говорил А. Михник, – Почему антисоветский – это всем ясно, но почему русофил? Потому что так случилось, что для меня русская литература была языком свободы и достоинства. Я первым в Польше получил “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына и две недели не вставал с кровати – прочел все. И потом читал, читал, читал. Во время перестройки российские газеты были самыми интересными в мире. В этом смысле я был редкой птицей, потому что большинство моих друзей не верили, что перестройка – это всерьез. Всю информацию о России они искали в “Нью-Йорк Таймс”, “Вашингтон Пост”. А я ходил в клуб иностранной прессы и покупал все, что было по-русски. И снова это был для меня язык свободы. Ну и, конечно, надо сказать, мое поколение пело песни Окуджавы, Галича, Высоцкого, и также поэтому я русофил. В Польше есть такой стереотип: мы победили коммунизм. И это правда. Но мы бы ничего не сделали без перестройки, без политики Горбачева …».

Книга А. Михника интересна нам и потому, что чуть больше, чем через два десятилетия, прошедших после окончания «холодной войны», мы оказались в мире, который не стал ни менее конфликтным, ни более справедливым. Наоборот, мощные общественные перемены расширили поле социальной напряженности и конфликтности, сделали его разнообразным по наличию причин и характеру проявлений конфликтов. Возникли нюансы в констатации того, что существенно изменился характер социальных конфликтов во многих странах и регионах, а сложное переплетение конфликтных взаимодействий снижает уровень управляемости ими. Игнорирование чужого опыта конфликтного взаимодействия, особенно опыта соседних государств, может дорого стоить как власти, так и рядовым гражданам. В этом плане символичны слова Кайсына Кулиева: «Легко любить все человечество, соседа полюбить сумей». Для России таким соседом всегда была и остается Польша.

В истории этой страны потенциал конфликтности был весьма многообразен, а его проявления отличались разнонаправленностью. Это не могло не сказываться и на геополитике Польши, где совсем недавно появилось Польское геополитическое общество. Организаторами его учредительного съезда стали руководители аналитического центра «Институт геополитики» в Ченстохове. В цели этого общества входят, помимо популяризации геополитики как научной дисциплины, перевод и издание классики польской и мировой геополитической мысли, организация конференций и дебатов, проведение в Польше всемирного съезда геополитиков. Геополитические коды всегда не только выражали суть взаимоотношений с соседями, геополитическими партнерами и геополитическими соперниками, но и помогали расшифровать хитросплетения взаимодействия власти и общества, а также отдельных социальных и этнических групп.

О справедливости таких утверждений можно судить по материалам опубликованного в декабре 2010 г. эссе шефа американского аналитического центра Stratfor Джорджа Фридмана, посвященного геополитике Польши, внимание которого сосредоточено не на академической или практической, а на популярной геополитике. Именно в ней концентрируются взгляды, соответствующие сложившимся в представлениях политической элиты геополитическим кодам. Эти коды выступают своеобразной ментальной картой, на которой фиксируется расположение «своих» и «чужих», представления о границах государства, не обязательно совпадающие с реальными, а могущие быть и отражением определенной геополитической конструкции. В значительной степени благодаря наличию или отсутствию, что тоже бывает, подобных ментальных карт и формируется геополитическая идентичность. Для заключения Фридмана о геополитической идентичности поляков исходной позицией служит представление о коренящемся в польском сознании геополитическом коде, который сводится к образу двусторонней угрозы для Польши со стороны Германии и России. К сожалению, такой код охотно используется частью польской политической элиты.

Адам Михник дает основание верить в другое прочтение этого кода. В послании россиянам, опубликованном после смоленской трагедии 15 апреля 2010 г. в «Газете Выборча», Михник пишет: «Поляков и русских история часто разъединяла. Бывало, что сердца по обе стороны границы горели ненавистью и тлели обидой и непониманием. Однако общая боль, общая печаль и общий траур могут это изменить. Даже в самые тяжелые моменты нашей совместной истории с обеих сторон были личности, способные преодолеть предубеждения. Адам Мицкевич писал в период разделов Польши: “К друзьям-москалям”. Полякам, страдающим под царским ярмом, сочувствовал Александр Герцен. В XX веке объединил нас страшный опыт ГУЛАГа, этой “нечеловечес-

кой земли", о которой писали Александр Солженицын и Густав Герлинг-Грудзинский. Сегодня на крови, пролитой 70 лет назад в Катыни, и в субботу под Смоленском, рождается подлинная польско-российская общность судеб» (с.3-4).

Мнение Адама Михника важно учитывать не только потому, что он всю жизнь самым активным, живым образом был вовлечен в гущу польских политических процессов. Михник очень тонко чувствует ту грань, которая отделяет идеалы демократии и свободы от политических игр и сиюминутных выгод. Его личная позиция, позволившая не перейти эту грань, проявилась в том, что, будучи избранным депутатом польского парламента в 1989 г., он в дальнейшем отказался от парламентского мандата, предпочтя не участвовать непосредственно в политике, а влиять на нее в качестве ведущего польского политического комментатора. Заметим, что такой политический выбор во многом отразил суть польской модели культуры конфликтного взаимодействия. Эта культура в полном, первоначальном, исконном смысле данного слова заключается в возможности обработки человеческой души. А для польского сознания такая обработка как прежде, так и сейчас во многом была связана со словом, была глубоко вербализирована. Именно чувство слова, нюансировка несущегося им содержания понятия отразилась в том, что книга Михника в польском и русском вариантах называется по-разному: в польском – «Ярость и стыд», в русском – «Антисоветский русофил». Если название русского издания акцентирует внимание на геополитическом коде, на геополитической ментальной карте поляков, то в польском издании отчетливо отражаются крайние позиции национальной модели культуры конфликтного взаимодействия. Однако мы прекрасно понимаем, что между этими позициями пролегает линия, где расположились многочисленные варианты политико-психологического выбора, который необходимо было делать полякам в отношениях к себе самим и своим геополитическим соседям.

Несмотря на противоречивость общественной реакции, она показала, что подлинное объединение Западной и Восточной Европы невозможно, когда по обе стороны бывшего «железного занавеса» остаются свои «скелеты в шкафу». Каким образом можно преодолеть синдром «скелета в шкафу»? Адам Михник находит такой путь в еще одной особенной черте польской модели конфликтного взаимодействия. Эта черта указывает на укорененность в ней религиозного, католического опыта. Он пишет: «Что значит Евангелие как «повелитель» разума? То же самое, что и убежденность в существовании какого-то порядка, который нельзя безнаказанно отвергнуть или релятивизировать неким набором ценностей, устанавливаемых произвольно, подобно пешкам на шахматной доске. Нельзя безнаказанно объявить, что измена является добродетелью, а милосердие – отступничеством.

В этом мире, приближающемся к опасному краю бездны коллективного безумия, нужно, скорее всего, предложить католическому епископу и светскому рационалисту двойную бухгалтерию особого рода: от себя требуй столько, сколько можешь, другим прощай столько, сколько простить в состоянии» (с. 199).

Эту двойную бухгалтерию вполне можно распространить и на все другие типы конфликтных отношений. Ее простота и одновременно сложность состоят в том, что следует понимать пределы использования собственных сил, точно так же важно понимать, что у души, готовой прощать, такие пределы редко имеют границы. Естественно, к использованию такой бухгалтерии польское общество приходит после долгих лет горького опыта пребывания в конфликтном фоне, независимо от того, какие – внутриполитические или геополитические – характеристики в нем преобладают. Можно сказать, что к близким паттернам культуры конфликтного взаимодействия пришли и другие народы Центральной и Восточной Европы, исторический опыт которых «создавал специфическую духовность, характеризующуюся самоиронией, упорным стремлением сохранить духовные ценности и смелостью веры в романтические идеалы» (с.264-265).

Людмила ТЕРНОВАЯ –
доктор исторических наук,
профессор, заместитель директора
Института политики
и деловых коммуникаций

Андрей НАРЫШКИН

Пора неоконсерватизма: реальность наступает

Неоконсерватизм как политическое направление уходит корнями в историко-философские учения начала XX в., однако до настоящего времени не имеет единого определения. «Неоконсерватор – это либерал, который схвачен за горло реальностью» – эта сентенция Ирвинга Кристола, редактора журнала Commentary, одного из главных участников борьбы с коммунизмом в США и наиболее весомой фигуры в становлении и особенно в распространении идеологии неоконсерватизма [1], пожалуй, и по сей день остается наиболее точной характеристикой политического движения неоконов (сокращенное от «неоконсерватизм»).

Андрей НАРЫШКИН – сотрудник Минэкономразвития РФ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Онтологически «неоконсерватизм» возник в качестве терминологического объяснения социологических изменений общества от сочетания греческого «neos» – новый и латинского «conservare» – «охранять».

Базой неоконсерватизма стали принципы приоритетов преемственности перед инновациями,